

А. НЕСМЕЛОВ

На путях к победе над смертью

(К 30-летию со дня смерти философа Н. Ф. Федорова)

«Нет смерти вечной, абсолютной, а уничтожение временной — есть наше дело и наша задача».

Эти слова, на первый взгляд столь, казалось бы, ошеломляющие и неприемлемые для современного сознания, были произнесены много лет назад русским философом Н. Ф. Федоровым, умершим в Москве в 1903 году.

Для многих и теперь, то есть тридцать лет спустя после смерти философа, имя его ничего не говорит, а между прочим Н. Ф. Федорова знали и чрезвычайно ценили многие выдающиеся русские писатели и мыслители прошлого века.

Так, в начале еще восьмидесятых годов, Л. Н. Толстой, увлеченный учением Н. Ф. Федорова излагал принципы «Философии общего дела» (труд Федорова) перед рядом высококвалифицированных ученых, членов Московского Психологического Общества, а В. Я. Брюсов в статье «В гостях у Верхарна» (1910 г.) пишет, как удивился великий поэт, когда узнал, что мысль что человек должен властвовать над силами природы, предвосхитил у него русский мыслитель, старец Федоров¹.

Но о чем же учил Федоров?

Вот излюбленные лозунги автора «Философии Общего дела»:

— *Нет смерти вечной (абсолютной), а уничтожение временной есть наше дело и наша задача. — Жить должно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех. — Объединение всех живущих имеет целью работу над воскрешением всех умерших*².

В то время, когда были произнесены эти слова, то есть задолго до научных открытий последних десятилетий, — они могли вызывать только смех.

Ученые, заседавшие в московском психологическом обществе, спросили Толстого, излагавшего им учение Федорова:

— Как же уместятся на земле воскрешенные поколения?

Толстой ответил:

— Это предусмотрено. Царство знания и управления не ограничено землей.

Такой ответ вызвал неудержимый смех присутствующих.

В наше же время он не вызвал бы уже «неудержимого смеха», ибо в настоящее время рядом ученых и техников детально разработана в теории проблема космического полета и производятся уже практические опыты в этой области.

Сложнее вопрос с центральным положением учения Федорова, — с воскрешением.

По этому поводу А. Остромиров, в недавно вышедшей на Д<альнем> В<остоке> книге «Н. Ф. Федоров и современность» говорит, что «в этом пункте проектика “Философии Общего Дела” должна принять в свое русло одно из самых плодотворных научных движений нашего века: психоаналитическую школу Фрейда»³.

Этой же школой:

*«Выслежены психические причины, психические корни смерти. На множестве примеров показано, как обычная смерть, типичная, “нормальная” смерть является бессознательным самоубийством»*⁴.

Чтобы читатель ясно представил себе, о чем говорит г. Остромиров, напомним учение Фрейда о т<ак> н<азываемых> «ошибочных действиях», которые казались прежде «случайными», но, как оказалось, во многих случаях они могут быть истолкованы как *имеющие смысл, то есть как полноценные психические акты*.

Выяснилось, что потерявшие интерес к жизни, чувствующие свою малоценность и думающие о смерти, о самоубийстве — чаще, чем психически здоровые люди совершают действия, влекущие за собой искалечение или даже смерть: они «по ошибке» глотают вместо воды ядовитые растворы, попадают под авто и вагоны трамвая, падают с лестниц и пр.

Во всех этих, якобы, ошибочных действиях — бессознательно выявляется воля к смерти.

Мысль, что «все люди смертны» — не заложена в человеческое сознание изначально. Для ребенка смерть всегда только — отсутствие любимого человека: *смерть «окончательная» для его сознания неприемлема*.

— Чтобы вбить в голову это противоестественное понятие, — говорит А. Остромиров в своей книге, — требуется долголетнее давление воспитания, оглушающий гипноз стада «взрослых» и «умных» людей...⁵

Если бы нашим детям оставалась хотя бы мысль о возможности реальной победы над распадом тела, иные подросли бы поколения!.. Достаточно было бы указать на проблематичность привычного факта, на нерешенность задачи, на то, что взрослые в этой

области совсем не так много сделали и не так много знают, как этого хочется или как это думается ребенку...

И это именно так, потому что, как говорит Фрейд:

— *Вера во внутреннюю закономерность смерти, возможно, тоже есть одна из иллюзий созданных нами, чтобы выносить тягость существования*⁶.

Размеры газетной рецензии не позволяют нам более подробно коснуться учения философа Федорова и чрезвычайно интересной книги о нем г. Остромирова. Мы совершенно не исчерпали ее. Скажем лишь, что на Д<альнем> В<остоке> имеется, видимо, сплоченный кружок «федорианцев» и они развили уже значительную издательскую деятельность⁷. За семь лет — с 1926 по 1933 — ими издан целый ряд книг и брошюр. Все они, кажется, имеются в продаже.

Кроме того, хочется отметить еще следующее обстоятельство... Творческая деятельность многих писателей давно уже предвосхищала то, к чему медленно движется наука. Нога воскрешения явственно звучит даже в произведениях таких поэтов, как Маяковский. Недавно на Д<альнем> В<остоке> вышла талантливая книга стихов поэта Льва Гроссе, так и названная им: «Мертвая смерть»⁸, то есть смерть убитая, уничтоженная.

И мне удавалось несколько раз проникаться этой темой. Отталкиваясь от галлюцинаторных моментов, я говорил:

Все чаще и чаще встречаю умерших... О, нет,
Они не враждебны, душа не признается разве,
Что взором и вздохом готова отыскивать след,
Вот здесь зазвеневшей, вот здесь оборвавшейся связи!
И вот — непрерывность. Свяжусь звено со звеном,
Усилим воли сближаю отрезок с отрезком.
Под лампой зеленой, за этим зеленым столом
Рассказы о смерти мне кажутся вымыслом детским!⁹

Но, как мы видели выше, авторами «вымыслов о смерти» являются вовсе не дети, а «взрослые» и «умные».

